

Пролог

Кэл

Еще ребенком я привык к тишине. Такой, которая царит в больничных палатах, скрывающаяся за унылым, ритмичным пиканьем электронных мониторов и монотонными капельницами.

Если же эта тишина нарушалась — когда приходили медсестры, чтобы взять кровь на анализ, или заглядывали члены семьи со своей фальшивой моральной поддержкой, — все мое существо начинало скупаться по ней.

Я влюбился в ее бесконечную безмятежность, умиротворение, которое она дарит, секреты, которые можно утаить в ее глубинах.

Я научился находить ее в полном хаосе, питаться ее энергией.

В конце концов, тишина стала необходимостью.

Самой тяжелой зависимостью, которую сложно контролировать.

Наваждением.

Болезнью...

Сверстники в колледже, а позднее и коллеги, называли это психическим расстройством. Говорили, что в моем мозге происходило короткое замыкание при определенном возбудителе. Причем иногда об этом возбудителе было достаточно просто подумать.

Я понимал, что это делало меня уязвимым.

Ни на что не годным.

Поэтому мне была необходима какая-то отдушина. Место, куда я мог бы прийти и не потеряться в нехватке отсутствия звуков. Место, где жестокость, зашитая в моей ДНК, могла быть удовлетворена, а те части моей души, что жаждут смерти и разрушения, — насытились.

Работа на Рафаэля Риччи, главу бостонской — в свое время — главной криминальной семьи, должна была быть временной. Он подобрал меня с улицы и пообещал роскошную жизнь, если взамен я соглашусь немного замарать руки.

Но, как и многое остальное, все вышло из-под контроля.

Я научился наслаждаться привкусом жестокости на языке.

Люблю, как она расцветает, словно цветок, пробивающийся из-под земли, разжигающий непреодолимое желание, как ничто другое.

Отчаяние облегчалось, только когда я чувствовал биение чужого сердца под кончиками пальцев — такой изысканный и такой глубоко человеческий трепет, который прекращается и умирает по моей воле.

Это желание могли утолить только окровавленные руки и искалеченные ими тела — моими руками, теми, которые поклялись исцелять.

Я позволил самым темным желаниям жить внутри меня. Проявляться через мои обязательства перед организацией, к которой я присоединился, не успев ничего понять. И я прощал себе это, потому что моя основная работа вполне прилична.

Этого должно было быть достаточно.

Я никогда не задумывался о потакании собственным слабостям, пока они не начали кровоточить так сильно, что разница между ними стала очевидна.

Пока не встретил Елену.

Самый запретный из всех плодов.

Персефона для моего Аида, как говорили некоторые. Весенняя пора в мире, где царит смерть и разрушение.

Девушка, которую я презирал, пока не понял, что ослеплен новым наваждением.

Пока не вкусил освежающий аромат ее бархатистой кожи, сладость ее возбуждения, поблескивавшего на кончиках ее собственных пальцев, солоноватость ее слез, когда я вдребезги разбивал остатки ее невинности.

Знает она это или нет, но она подарила мне себя той ночью.

Отдала свою душу под прикрытием *выбора*.

И хотя я ушел, как это обычно делает Смерть, — безмолвно и до рассвета, — у меня и мысли не было исчезнуть навсегда и отказаться от нее насовсем.

Глава 1

Кэл

Ш -ш-р.
Ш-ш-р.
Ш-ш-р.

Сжимая зубы до боли в челюсти, я прожигаю взглядом своего босса, пока он пьет горячий чай из кружки и смотрит видео на своем компьютере.

Его прихлебывание действует мне на нервы, как визг тупого ножа по тарелке. К тому времени, как он придвинул в мою сторону лист бумаги, поставил кружку на стол и снял очки, я уже представил все возможные способы, которыми мог бы его прикончить.

Самым простым и эффективным была бы передозировка инсулином, особенно учитывая тот факт, что он хранит глюкометр и шприцы в верхнем выдвижном ящике своего стола, совсем без защиты.

Хотя, полагаю, большинство людей в нашем мире не стали бы тратить время на изучение изощренных методов убийства. Им подавай быстрые решения да

сброшенные в реку тела; им плевать, смогут ли отследить их преступление, потому что они все равно подкупили местную полицию.

Им главное — удержать свою власть.

Свой *авторитет*.

И передозировка — это слишком скучно.

Это не то же самое, что вонзить нож в грудь, пробить и сломать грудную клетку, вырезать еще бьющееся сердце, пока жизнь кровью сочится из глаз твоей жертвы.

Есть что-то магическое в том, что чья-то жизнь находится в твоих руках. Эдакая симметрия, встречающаяся в природе, когда у тебя есть выбор — зверски лишить жизни живое существо или исцелить его.

Они полностью в твоей власти.

Власти, которую люди, подобные Рафаэлю Риччи, даже не могут себе представить. Поэтому у него есть я.

Наконец, потеряв ладонью гладковыбритый подборок, Раф снимает очки с носа, откидывается в своем кожаном кресле и поднимает на меня взгляд. Он пристально меня изучает, а его темные глаза пусты. Ни намека на то, что творится в его голове.

Закинув ногу на ногу, я сжимаю колено рукой в перчатке и жду. После почти двадцати лет совместной работы, уверен, он понимает, что я не просто болезнь, которая может выйти с потом.

Если он хочет сидеть в тишине, пока один из нас ее не нарушит, я подыграю.

На кону всего лишь жизнь его дочери.

Раф щелчком пальцев приказывает двум здоровым охранникам выйти из кабинета, массивное золотое кольцо на его большом пальце поблескивает на свету.

Он открывает ящик стола, достает бутылку с фамильным гербом Риччи и два хрустальных бокала.

Молча разливает алкоголь по бокалам, затем двигает один в мою сторону, прежде чем поднести второй ко рту и сделать щедрый глоток. Несколько капель падают на воротник его белой рубашки, но он, кажется, этого не замечает.

Я беру свой бокал, ставлю его на колено, но не пью.

Он со вздохом скидывает бровь.

— Грубо отказываться выпить со своим боссом.

— Только не тогда, когда мой босс знает, что я здесь не ради халявной выпивки.

Осушив бокал, он со стуком ставит его на деревянный стол и вытирает рот рукавом.

— А для чего ты здесь, Андерсон? Ты до сих пор ничего не сказал.

— Видео говорит само за себя, разве нет?

— Я вижу, как ты трахаешь мою старшую дочь в моем же доме, хотя она помолвлена с другим с момента своего зачатия.

В моих венах вскипает кровь при мысли о том, как кто-то другой лапает ее нежную бархатную плоть, его губы ласкают ее, его ДНК там, где первой оказалась моя. Я крепко сжимаю бокал в пальцах, пока они не занемеют, чтобы сохранить хладнокровие.

Нельзя терять контроль над собой.

— Что ж, мы все знаем, что верность не самая сильная черта семьи Риччи.

На его челюсти вздувается желвак, но он не проглатывает наживку. Возможно, потому что не уверен, о чьих именно изменах я говорю — его собственных

или его жены. Или, быть может, потому что это и неважно, ведь даже если я уточню, мои слова не перестанут от этого быть правдой.

— Елена не такая, как остальные, — говорит он и бросает взгляд на фотографию в рамке, стоящую на краю стола. На фотографии она лежит на поляне в окружении цветов, одетая в шапочку выпускника и мантию, а на фоне — академия Фонтбонн¹.

Фотография, на которой запечатлен академический успех, хотя Елена, скорее всего, уже тогда знала, что ее мечты о высшем образовании и карьере проживут недолго.

Трудно гнаться за собственными интересами, когда твое благополучие зависит от того, будешь ли ты выполнять определенные обязанности.

Хотя это не помешало ей гнаться за мной.

Пожимая плечами, я наклоняюсь вперед и ставлю бокал на деревянную поверхность стола, затем запускаю руку в карман своего плаща за спрятанным в нем письмом. Выудив конверт, я расправляю его на колене и демонстрирую Рафу.

— Неважно, что она хуже. Это письмо оказалось в доме, который я арендую на другом конце города, — говорю я. — Его не отправили по почте и не принесли в бесплатную клинику, где я раньше работал. Его просунули в отверстие для писем во входной двери, а это значит...

— Что, кто бы его ни принес, он хотел быть уверенным, что письмо дойдет до адресата. — Раф потирает подбородок основанием ладони, глядя на кон-

¹ Частная римско-католическая школа для девочек в Милтоне, штат Массачусетс, США.

верт. — Не надо мне объяснять, как работает чертов шантаж, Кэл.

Я кладу письмо на стол и подталкиваю в его сторону.

— Отлично. Тогда мне также не нужно объяснять, что, если они не побоялись прийти *ко мне*, они определенно не станут колебаться, чтобы докучать Елене.

— Мне нравится полагать, что мое имя имеет куда больше веса в Бостоне, чем твое, — говорит он.

— Это не так. — Лицо Рафа краснеет, раздражение вспыхивает в нем с каждым словом, что срывается с моих уст. — Когда-то так и было, безусловно. Но затем ты стал слишком сентиментальным, и теперь главный источник твоей власти — это связи.

— Следи за языком, Андерсон. — Грозь пальцем в мою сторону, он выдвигается вперед, от гнева на его шее ершатся метафорические перья. — Ты идешь по тонкой грани между правдой и неуважением, сынок.

Внутренне морщась от этого обращения, я снова пожимаю плечами, не обращая внимания на его тактику запугивания.

Нельзя одолеть того, кто тебя не боится, а у нас всегда было наоборот.

— Суть вот в чем, — продолжаю я, игнорируя его слова. — Автор письма предельно ясно дает понять, чего они хотят и что будет, если они этого не получат. Ты готов к тому, что весь твой план пойдет коту под хвост?

— Ради бога. Федералы не станут ничего разносить, если местная полиция не даст им повода, а с ними у нас проблем не будет. Они обычно готовы к сотрудничеству.

— Я говорю не о копах. Но так как другие семьи, с которыми ты ведешь бизнес, предположительно с восьмидесятих придерживаются строгой политики относительно наркотиков, сомневаюсь, что им понравится, когда они услышат, чем ты занимаешься в Мэне с Монталтосами.

Раф сглатывает, его лицо слегка краснеет, и он снова бросает взгляд на монитор компьютера.

— Я не могу отдать им Елену.

Постучав костяшками пальцев по его столу, я киваю.

— Дело твое.

Встав на ноги, я поправляю костюм и застегиваю на пуговицы плащ. Затем вытаскиваю флешку из компьютера, прячу в карман и разворачиваюсь на каблуках, чтобы уйти.

Я разочарован, но не удивлен. Существует не так много вещей, которые заботят бывшего короля бостонского подземного царства, кроме собственного имиджа. Очевидно, безопасность дочери в них не входит, и от этого мой желудок сводит, когда я подхожу к двери.

Я надеялся, что все будет проще, и весь мой план, моя *свобода* основывались на его желании защитить семью. Теперь мне нужно заново продумывать следующий шаг.

Открываю дверь, переступаю через порог, и в этот момент Раф откашливается за моей спиной, заставляя меня остановиться. Я не оглядываюсь, жду, намеренно ли он издал этот звук. Моя рука все еще на изысканной дубовой ручке.

— Что... — Он замолкает, и я поворачиваю голову в сторону, смотрю на стену, где находится огромная копия Давида Микеланджело, в которой сочетается ре-

лигия Рафа с тем, что он больше всего презирает, — с искусством.

Вот что посеяло бунтарские гены в его дочери.

Вот что привело ее ко мне.

— Не трать мое время, Риччи, — предупреждаю я, теряя терпение из-за молчания, последовавшего за его незаконченным предложением. Я перешел все границы, но знаю, что он ничего не сделает.

Как можно контролировать Смерть, когда она знает обо всех твоих слабостях?

Судорожно выдохнув, он снова открывает рот:

— Ты мог бы защитить ее.

Я моргаю, мои внутренности закручиваются, как тропический шторм. Делаю шаг назад, закрываю дверь и медленно поворачиваюсь к нему. Бросаю взгляд на фотографию на его столе, теряюсь на секунду во взгляде ее кофейных глаз, прежде чем кивнуть.

— Мог бы.

Он постукивает пальцами по подбородку, затем опускает руки на стол, принимается вертеть кольцо на большом пальце, пока говорит:

— Что мы будем делать с Матео? Он не отдаст ее без борьбы.

Удовлетворение прокатывается по моему позвоночнику, вызывая головокружение. Я доволен. Практически окрылен.

— Я о нем позабочусь.

Раф прищуривается, внимательно смотрит на меня и со свистом втягивает воздух сквозь зубы. Этот звук — шок для моего мозга, триггер, к которому я не готов, тревога волной разливается по моим венам, прежде чем я успеваю взять себя в руки.

Реакция незамедлительна, паника нарастает, пока он продолжает языком чистить свои виниры. Мои плечи напрягаются, мышцы каменеют, ярость от потребности остановить звук захлестывает меня, затуманивает мой взор.

На мгновение я вижу, как Раф обмякает в своем кресле с зияющей дырой от пули во лбу. Вижу себя забрызганным его кровью, пока вырезаю хрящи и кожу с его ушей, собирая их, как фермер урожай.

Его голос возвращает меня обратно, я моргаю, отгоняя прочь наваждение, пока мое тело пытается привыкнуть к реальности.

— Знаю, ты ничего не делаешь для меня бесплатно, — говорит Раф. — Что тебе нужно?

Глубоко вдыхая, пропитываясь ароматом старых сигар и дорогого алкоголя, я прячу широкую улыбку. Мой пульс разгоняется, ярость уходит.

В моем мозге всплывает стихотворение, которое я однажды оставил Елене, — обещание и угроза, собранные воедино.

Просто тогда я этого не знал.

«Дис за одно мгновение увидел ее, полюбил и украл — это истинная любовь».

Похищение Прозерпины.

Не любовь, но нечто гораздо более зловещее и смертоносное в моем случае.

Я думаю о фотографии, прожигающей дыру в моем бумажнике, — карие глаза, точь-в-точь как мои, длинные черные французские косы. Боль разрастается в моей груди при мысли о ней, заново убеждая меня в правильности решения, когда я вспоминаю о том, кто за этим стоит.

Если есть хоть один шанс на отношения с моей давно потерянной сестрой, это единственный путь.

Встретившись с Рафом взглядом, я вскидываю брови.

— Душа Елены.

Глава 2

Елена

Большинство девочек, которых я знала в детстве, представляли свадьбу своей мечты.

Моя младшая сестра Ариана мечтала о свадьбе в мягких пастельных тонах и девственно-белом цвете, несмотря на то что сама являлась полной противоположностью. Годы занятий балетом означали, что она знала конкретную песню и танец, который танцевала бы с нашим папочкой; и выглядела бы при этом невероятно.

Даже Стелла — младшая и самая умная из дочерей Риччи — нацарапала свадебное меню на клочке бумаги, который потом использовала в качестве закладки для учебников.

Я же планировала свои похороны.

До сегодняшнего дня мраморный гроб и букеты из георгинов и лилий казались большим, чем просто мечта. Иллюзия, которую я придумала, чтобы избавиться от унылой реальности.